

К Р О К О Д И Л

№ 28 МОСКВА 30 АВГУСТА 1945 ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА» ГОД ИЗДАНИЯ XXIV ЦЕНА НОМЕРА — 1 РУБ. 20 КОП.

Рис. Л. Соффергаса

УРОК ЯПОНЦАМ

- Что такое остров?
- Капитулировавшая часть суши, окружённая со всех сторон противником.

ТОКИО. Тотчас же после японского заявления о капитуляции вашему корреспонденту удалось попасть на токийский телеграф, где он имел возможность ознакомиться с только что сданными телеграммами. Первая телеграмма гласила: «Довольно! Не надо! Согласен! Микадо». Вторая телеграмма, поданная адъютантом военного министра, адресована морскому министру: «Анами сделана харакири. А вами?»

АНКАРА. Окрылённый военными успехами Гитлера и микадо, турецкий журналист Джахид Ялчин призывает к новой войне против СССР. Третья война, как утверждают авторитетные круги, требуется Ялчину для того, чтобы, наконец, занять подобающее место в списке военных преступников, так как в нынешние списки ему попасть не удастся, как он ни старается.

АФИНЫ. Премьер-министр Греции Вулгарис, посоветовавшись с министром внутренних дел Вулгарисом, с министром иностранных дел Вулгарисом, с министром морского флота Вулгарисом и с министром авиации Вулгарисом, при-

шёл к заключению, что проводимая его кабинетом реакционная политика совершенно правильна. Греки, не разделяющие этого заключения, подвергаются заключению на продолжительные сроки.

МЕКСИКО. Автор антисоветских небилли, сотрудник мексиканского профашинского журнала «Тодо», Канту Корро заявил: «Пока мне не отрежут язык, я буду говорить, и пока у меня есть руки, я буду писать». О голове, у таковой, Корро не упомянул, так как эта мелкая деталь в его творческом процессе не играет никакой роли.

ОБИДНО-ДОСАДНО...

Рис. Бор. Ефимова

ФРАНКО: — Какой удар! И откуда? Из Берлина!..

Гитлер в халате

(ПОЛУФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОЭМА)

Согласно принципу «Хаяко-иншу», все стороны света должны находиться под скипетром микадо. Японский императорский род ведёт своё происхождение от богини солнца Аматерасу О-миками. Ямато — раса богочеловеков, возглавляемая императором-божеством, стоит неизмеримо выше всех других народов мира и должна владычествовать над всей землёй.

(Из японских школьных учебников.)

I
С той поры, как сгинул Гитлер,
Злой упырь средневековья,
Ходит много всяких слухов
О плохом его конце.

Врут постороню и поштучно,
Телеграфно и по почте
Воздусущие спецкеры
Харста, Кормика и К°.

Тот узнал его в Мадриде
Под плащом торреадора.
Этот выдвигал в Севилье,
Наряжённого быком.

Ну, а третий врёт, что фюрер
Записался в патагонцы
И продал кольцо сквозь коздри
(Что весьма ему к лицу).

Те твердят, что Гитлер помер,
В брак вступиле скоропостижно
С закатишейся «звездой»
Профашинского кино.

Ну, а эти утверждают,
Что, утратив рай фашистский,
Он бежал в подводной лодке
Со своею Евой Браун;

Что в живом или мёртвом виде,
Но плывут молодожёны
В неизвестном направлении,
К неизвестным берегам.

II
Их рейс мне рисуется вот как:
Лишь звёзды блещут в небесах,
Несётся подводная лодка
(Для рифмы — «не всех парусах»!)

Не видно... Читатель, хоть плачь ты,
Но ты не увидишь, как встарь,
В каком положении мачты
И весь судовой инвентарь!

Не слышно... А впрочем, чуть слышно
Доходит немецкая речь:
Мол, выглядит лодка
не пышно —

Пробоины... вмятины... течь;
Мол, в море — и рыбы и минны,
И садебный ужин-де плох,
И нет-де особой причины
В честь брака выкрикивать
«гого».

... Но кончился рейс! Пролетало
Два месяца кратких — и вот
К японскому берегу смело
Подводный корабль пристаёт.

И фюрер во всём бесподобьи
Выходит. Он чуть бледноват.
На нём, вместо пояса, «коби»
И пёстрый японский халат.

Он верит в себя, как когда-то,
Он видит «свой верный народ» —
Он снова среди расы Ямато,
Божественной «расы господа».

Он жмёт «соплеменникам» руки,
Он взорами ищет среди них
Араки, Минами, Судзуки
И прочих и прочих своих.

Он просит: — Позвать их скорее!
Он чувствует, что дело «никхт гут».
— Они — из Хингане...

В Корее...
Сейчас они будут! Бегут!..

— А Того?
— Он занят немного...
Уехал на час или на два.
Нам, фюрер, сдаётся, что Того
Сегодня сдаёт остров!

И фюрер в испуге, чуть скрытом,
Вихор опускает на грудь
И, топнув о землю копытом,
В подводный пускается путь.

III
Знаю: фюрерово тало,
Верно, где-нибудь истлело
(Или — нет, — одно из двух),
Но живёт в японском тале
(Чуть живёт... ну, еле-еле)
Скверный гитларовский дух.

Знаем, фрау Аматерасу,
Вашу «солнечную расу»
С чёрной свастикой на лбу!
Родич Гитлера и солнца
Вадумал почерком японца
Дописать «Мою борьбу».

Знаем всё: и стиль, и метод,
И финал. «Соавтор» этот
Всё отдал и, налегке
Удирал во свояси,
Закричал «капутуаиси!» —
На японском языке!..

Эмиль КРОТКИЙ

Под уютной Главкроволей

НЕ БЕЗ ВИНЫ ВИНОВАТАЯ

Рис. В. Горюнов

ПРОИСХОДИЛИ такие разговоры:

- Ну, как дела?
- Плохо, товарищ директор. Ни одного процента брака. Очень плохо, хуже быть не может.
- Да... Вижу я, что ты, как начальник цеха, не справляешься с работой.
- Винават, товарищ директор. Винават. Но что я могу поделать? Кадры подводят. Главное, кадры. А у меня такие кадры, сами знаете, одни лучше другого.
- Но ты должен возглавить. Ты не плетись в хвосте передовых настроений. Ты обязан обеспечить повышение брака.
- Постараюсь. Но...
- Без всяких «но». Без всяких ссылок на объективные причины. Главное, не полагаться на самотек в этом вопросе.
- Ночей не буду спать, а постараюсь исправить свои ошибки на практической работе.
- Ты пойми: безбрачие лимитирует нас, режет без ножа. Бери пример с отстающих цехов — там уж это дело налажено. Там на сегодняшний день мы имеем тенденцию к планомерному росту недоброкачественной продукции. А что у тебя?
- У меня не те кадры, товарищ директор. Их точит честность и заедает энтузиазм.
- А ты не потворствуй. А то лишу тебя премии — вот и будешь знать...

* * *

Происходили ли такие разговоры? По всей вероятности, происходили. В этом убеждает один из приказов по Наркомату промышленности строительных материалов СССР.

«Такое положение привело к тому, что директор завода Загреков П. В. был заинтересован в получении большого количества брака...»

Что это такое — опечатка, сделанная рукой рассеянной машинистки, или дурной сон?

Завод. Директор. Заинтересован.

Сначала всё на месте. Всё правильно.

Дальше тоже как будто всё благополучно. Директор заинтересован:

В получении большого количества.

Правильно! Всякий уважающий себя директор заинтересован в получении большого количества... сырья, фабрикатов.

Но оказывается, что Загреков — особенный директор. Он заинтересован в получении большого количества...

Брака!!!

И вновь возникает недоуменный вопрос:

— Что это — опечатка или дурной сон?

В ответ на этот вопрос следует ряд фраз, оканчивающихся словами «но факт».

— Невероятно, но факт.

— Печально, но факт.

* * *

А факт таков.

В системе Наркомата промышленности строительных материалов живёт и в ус себе не дует Главкроволя.

В системе Главкроволи приютился толеруберондный завод в городе Куйбышеве.

А директор этого завода Загреков П. В. завёл себе такую систему: расплачиваться с другими организациями не деньгами (финансовая дисциплина!), а продукцией своего завода.

Но хорошей продукцией — нельзя: это называется разбазариванием.

А бракованной можно: это называется использованием внутренних ресурсов.

Вот на эти ресурсы и стал, не стесняясь, налегать Загреков. Чем больше брака, тем веселее жил директор.

А в Главкроволе ничего этого не замечали. И долго под уютной Главкроволей так прохлаждался Загреков, пока Госконтроль не заинтересовался его брачными отношениями с другими организациями.

Вот нас сейчас и занимает вопрос: а как обстоит дело в Главкрыше, Главчердаке, Главлестнице, Главфорточке, Главкалитке?

Если и там завелся Загреков, как бы они не вылетели в Главтрубу...

Г. РЫКЛИН

ПО ПЛАТЬЮ ВСТРЕЧАЮТ, ПО УМУ ПРОВОЖАЮТ

Он шляпой был. Хотя с ним едва-едва
Я шапочко знаком, но мне понятно,
Что трудится спуска он рукава
И к делу он относится халатно.

Хотя и слыл рубахой-парнем он,
Но по вопросу о головотяге
Советский наш хороший учит тон,
Что нужно шляпу снять и... дело в шляпе.

В. ДЫХОВИЧНИЙ

- Скажите, кто написал «Что делать?»
- Не знаю, товарищ профессор.
- А — «Кто виноват?»
- Конечно, я сама.

— Русским языком вам говорят: здесь не райпромторгин, а облукспромторг.

О з о р н и к

МНЕ, знаете, семьдесят пять лет, но мне, больше семидесяти четырёх никто не даёт. А сам я дворник. Пятьдесят восемь годков при нашем доме состою. Могу сказать, этот дом у меня на руках вырос. Когда я поступил, было в нём полтора этажа. А теперь, будьте любезны, пять этажей, да гараж во дворе, да озеленение....

Ну, и меня, как я поступил, кликали всё больше Егоркой. А теперь мои величают: «Дедушка Егор Васильевич».

И царизм здесь пережил и в семнадцатом году из чердака юнкеров выкуривал. А как немец над Москвой летал, то на крышу лазил я, чтобы бомбы, значит, до нашего дома не допущать. Правда, пугасные бомбы, они наш дом сами избегали. А вот этих, обжигательных, я самолично четырнадцать штук в каждую утопил, как мянют. И мне председатель нашего райсовета товарищ Трифонов сказал:

— Тебя, Егор Васильевич, надо взять на учёт, как памятник московской старины, паранне с царь-пушкой или царь-колоколом. В общем ты у нас есть царь-дворник....

И, можете представить, вот такого меня на той неделе судили народным судом! За что? За хулиганство. И главное, правильно судили....

Да... Суд вышел, говорит: — Слушается дело по обвинению в хулиганстве гражданина Хухрикова Егора Васильевича. Обвиняемый здесь?

Я говорю: — Я обвиняемый. И признаюсь, что действительно, да, виноватый.

Сколько народу ни было, все закачались. Кто-то говорит:

— В первый раз вижу такого престарелого хулигана....

А ещё один поддаёт:

— Не иначе этот старикашка со своим правнуком на трамвайных буферах катался....

Судья успокоил народ, говорит мне:

— Расскажите, чистосердечно, как было дело.

Я суду объяснил, что вот и вам... А потом дальше:

— Проживает, говорю, у нас в доме одна гражданка. Я ещё её вот этаким вот девчужкой помню. Всегда была такая ласковая девочка, из себя черноглазая, тихая... Зимой, бывало, вытаскивал салазки, скажет:

— Дедушка Егор, дай я тебе подсоблю снег с улицы вывезти.

И как ребёнок была симпатичная, так и взрослая сделалась полностью хорошая женщина. Вышла замуж, и муж ей попался тоже ласковый, культурный товарищ. Инженер. И так хорошо жили: бывало, всё подручку ходили. Ухом к уху прижмётся на ходу, а ноги врозь топчут.

Да. А вот о прошлом годе мужа-то начальство возьми да пошли куя-то за Урал. Да кабы насовсем, — он бы и её с собой взял... А то нет. Таня наша — её Татьяной Александровной зовут — тут, а она там... Ну, провожала она мужа, так плакала — у меня вуже в носу свербил. Он уехал — она похудела, если наглаз прикинуть, kilo на пять. И так себя скромно соблюдает... Не то, что вон из семнадцатого номера верхивостка эта — ну, Распопова. Та уж опять седьмого мужа из комнаты судом выселяет. Как вечер, эта Распопова вся разодеётся: платье шелковое в цветочках, чулки такие, ровно их и вовсе нет, колени наружу, лицо намазанное, как всё равно бутерброт с красной икрой, и кудри по всей голове, как торт, ей-богу!.

А что к этой Распоповой гостей ходит — всё, значить, мужского полу... Моя старуха взялась было считать, да на тридцать четвёртом гаврике сбилась....

А к Татьяне Александровне никто не ходил. Только и знает в почтовый ящик письма писать: мужу, значить....

И вдруг недавно я тут дежурю вечером, смотрю: идёт наша Татьяна Александровна эдаким. С мужчиной. Думаю: муж приехал!.. Ая, нет: идут не подручку, а дружка к дружке

издали. Подошли они поближе, ну, рассмотрел я его....

Нет, он мне сразу не понравился... Уж одно то — усикши на нём эти нынешние: к носу подбрито, к губе подстрижено, а посередке будто червяк заполз. Штаны на нём такой ширины, ровно он их утром с бегемота снял, а вечером на себя надел. В плечах это ваты — хорошему госпиталю на месяц хватит! Штукеты — ну, что твой пожарный автомобиль: и на резиновом ходу, и красивые, на каждом шагу гудок дают.

Подошли они, стало быть, Татьяна Александровна говорит:

— Ну, вот... тут я и живу...

А он:

— Разрешите, — говорит, — вас доставить в самую квартиру.

А она:

— Нету, — говорит, — надобности. Пока...

Ну, поцеловал он ей руку и ушёл. А мне чего-то грустно сделалось. Взошёл я к себе в полуподвал, старуки моей, гляжу, тоже дома нет... И только она вернулась с пустым помойным ведром, я ка-ак гаркну:

— Где ты шляешься?

Старуха аж рот разинула. Она говорит:

— Ой, Егор Васильевич, я уж отыскала, ты меня уж лет сорок не ревновал!

Да... А на другой день под вечер, akurat, я подливаю уличу, смотрю: опять он идёт. Этот вчерашний. И ещё меня нахально спрашивает:

— Дворник, где здесь четвёртая квартира?

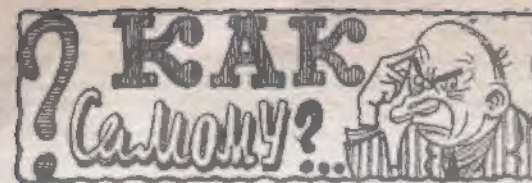
А в четвёртой квартире Татьяна Александровна живёт.

Я говорю ему, не прекращая поливки:

— Со двора налево пятый этаж.

Это, чтобы он прогулялся загля на пятый этаж.

Он повернул во двор, штаны на нём белые, утюженные, идёт праскачу. Да... А тут я нечаянно брандспойтом дакнул чуть-чуть, струя-то возьми и попади ему по рукаву и по одной штанине....

..НАПИСАТЬ ИСТОРИЧЕСКУЮ ПЬЕСУ

Стать автором исторической пьесы гораздо легче, чем думать. Надо только для этого отказаться от широко распространённого предвзвешения, что исторические пьесы пишутся только на сюжеты из далёкого прошлого.

Наоборот! Вы берёте самый злободневный, современный сюжет, облачаете его в свою или чужую драматургическую форму и, сначала написав пьесу, лишь затем переписываете её на машинке. Оригиналы пьесы (а если она неоригинальна, то можно) вы посылаете: 1) в репертком, 2) в Комитет по делам искусства и 3-7) одновременно в пять ведущих театров.

Разрешения реперткома не заставляют себя долго ждать, а через какие-нибудь несколько лет вы получаете ответ и от пяти ведущих режиссёров. Все они ведут с вами очень любезный разговор, сообщают, что пьеса им понравилась ещё при первом чтении и если не исключена в репертурный план на ближайшее пятилетие, то только потому, что за годы обсуждения её достоинства угнетали свою злободневность и представляют теперь чисто исторический интерес.

Так, неожиданно для себя, вы становитесь автором исторической пьесы.

..НАПИТЬСЯ ГАЗИРОВАННОЙ ВОДЫ

Любители шипучей газированной воды жалуются, что её не всегда можно сыскать. Между тем при известной находчивости напиться шипучей воды можно в любом киоске.

Техника этого очень несложна.

Получив из рук продаващицы стакан воды и после первого же глотка обнаруживая, что она нешипучая, вы заявляете претензию. Продащица, конечно, не снисходит до разговора с вами и только молча тычет пальцем в незамеченный вами своеобразно записку:

«Вода негазированная».

Шли от злости, вы доплатите оштрафованную вам обыкновенную водопроводную воду. При наличии некоторого воображения вам нетрудно убедить себя, что шипит вода, а не вы.

Старший консультант, кандидат разноразных наук Иван СТОКРАТ.

Он остановился, кричит:

— Ты что, старый негодяй, делаешь? Я тебя сейчас ударю, от тебя мокрое место останется!

А я думаю: «Ладно! Какое от меня будет мокрое место, ещё не известно. А ты-то уж наполюй мокрый!»

Но сам говорю:

— Извиняюсь, гражданин, оно нечаянно получилось....

Гляжу: он потряс рукавичку, штаны потёр и пошёл со двора: ещё бы! Куда ж ему по гостям ходить в таком жидком состоянии?

На другой день я опять подливаю, а он опять идёт. То есть не идёт, а крадётся, подлец, хочет меня обойти сзади. А мне уж ребятки кричат, с нашего двора которые:

— Дедушка Егор, которого ты вчера окатил, вон он!

Я повернулся, гляжу: он шагает, в руках

Он находил её прекрасной во всех отношениях...

Неоднократно докладывал ей о своей любви...

И, сделав, наконец, рационализаторское предложение...

Потребовал от неё во всём вышеизложенном расписаться.

сладкое вино да цветочки... Ну, и мне тут прямо, как вожжа под хвост: ка-ак рвану по нём всей струей... Он меня и обругать хочет и не может: захлебывается... Только и слышу...

— Я... тебя... аа...

Народ видит: человек на суше стал тонуть. Собирается вокруг.

А он как кинулся бежать... А я за ним — ну, прямо будто кто мне велит его догнать.

Да ему-то легко бежать. А меня кишка не пускает: двадцать пять метров волоку за собой. Но зато бьёт она, конечно, далеко вперёд... Я струя пустил вдогонку, а он вбок сиганул. И я струя вбок. Он — в другую сторону... Я — тоже туда... Человек двадцать обласкал я своей водницей.

А уж тогда собралась. Кишку заткнули и меня держат под грудкой. Народ и ругается и смеётся. А мне совестино сделалось. Всё-таки в мои годы не полагается так.

Между прочим, Татьяна Александровна тоже приехала. И тоже она смеётся. Я спрашиваю:

— Вы это чего?

Она говорит:

— Очень уж потешно он штаны выжимает. Как прачка!

Ну, присудили меня условно, поскольку я приехал и заявил суду, что хулиганить больше не собираюсь. Но штраф наложил: сто пятьдесят рублей. Граждане, которые слушали дело, говорят:

— Хотя доступил ты, папаша, не по закону, но цель у тебя была правильная.

А один гражданин отозвал меня в сторону, говорит:

— Я сам уезжаю в командировку... Так не переждёшь ли, отец, в кафе домоуправление?

В. АРДОВ

Сегодня мы решили совершить краткий экскурс в историю сервиса. Приведенные научные таблицы иллюстрируют эволюцию отдельных видов обслуживания от каменного века до наших дней. Естественно, что новейшие успехи науки и техники остались далеко позади

первых примитивных опытов первых примитивных работников бытового обслуживания. Однако достижения современной цивилизации в отдельных случаях используются, мы тем самым, далеко не современно. Именно это наглядно и показывают наши таблицы.

Рис. И. Семёнова

Возьмём хотя бы транспорт. Сколько сложным было устроение первых оленей в каменном веке! Сколько громоздкими были средневековые кареты, запряжённые четверками, а то и шестью лошадьми! И как далеко ушёл от них современный троллейбус! То есть, мы хотим сказать — ушёл бы, если бы не останавливался так часто посреди пути.

А чистка одежды! Как мучительно трудно вычёсывать тяжёлым каменным гребнем сор и репей из одежды! Как долго нужно высушить бедняге ляжечку, чтобы вычистить примитивной щёткой мамол своего господина! И как просто решаются все вопросы, когда чистка подята на уровень последних достижений химии: достаточно вычистить пиджак один раз — и больше никогда он уже не потребует чистки.

Или вот — коммунальное обслуживание. Баня. Ну, что такое холодный подопод или жалкая струя из ковшика по сравнению с современными мраморно-кафельными, сверкающими никелем и бронзой банями, этими роскошными комбинатами гигиены! Попав в этот дворец мытья, посетитель испытывает несказанный восторг, который несколько умеряется лишь отсутствием воды.

Фрукты, как полезный продукт, украшающий рацион, весьма ценились ещё первобытным человеком. Но какова была фруктопроводящая торговая сеть? Убожество! Как видите, совсем иначе обстоит дело в наш век пара, электричества, стеклотары и бочковых надежд.

Девушка в белом

— БИЛЕТОВ на «Пиковую даму» нету, — буркнула из окошечка кассирша.

Мухину стало скучно. Он подумал: «Отчего это все кассирши такие высокомерные? Может быть, от постоянного соприкосновения с крупными суммами?»

В это время за его спиной прозвучал милый женский голос:

— Если хотите, у меня есть лишний билет!

Всякий другой на месте Мухина обрадовался бы, как ребёнок. Но старший лейтенант не обрадовался. Нет, он сейчас же вспомнил одну вещь и подумал: «Стало быть, правда. И очень жаль, если правда».

Дело в том, что ему кто-то когда-то рассказывал о какой-то девушке, которая пыталась познакомиться с интересными военными именно таким образом: «Ах, у меня заболела подружка, не пропадать же билету!», «Ах, деньги за билет можете отдать в театре, а чём дело?» А в театре, сидя рядом, заводила интригующий разговор. Одним словом, предпринимавшая девушка! Но как раз такие не были во вкусе старшего лейтенанта.

Он неспешно оглянулся. Перед ним стояла девушка в белом. Он даже замирился немного. Право, таких девушек следовало бы держать где-нибудь в музеях изящных искусств и показывать только экскурсиям, ибо одиночки сильнее подвержены всякому ошеломлению.

Но Мухин уметь держать себя в руках. Он быстро справился с первым впечатлением и даже подумал: «Тем хуже. Такая красивая — и вдруг такие пошлые поступки!»

А девушка в белом сказала:

— У меня заболела подружка. Я очень спешу. Хотите, возьмите её билет?

Мухину почему-то стало обидно и за себя и за эту девушку в белом. И, чтоб она не воображала, что он такой уж простачок и ничего не понимает, он сказал вежливо-холодно и, как ему показалось, довольно тонко:

— У меня только крупные деньги. Потрудитесь подождать, я разменяю в кассе. Или, может быть...

— Девушка в белом строго свела брови и, сказав: «Хорошо, отдадите в театре», — оторвала ему билет, другой сунула обратно в сумочку и быстро вышла из вестибюля.

«Вот ведь как разболтались девчонки», — подумал Мухин. Сам он, правда, не так уж давно был мальчишкой, но даже ещё в десятом классе ему нравились только гордые и строгие девушки, думая о которых, можно было мечтать и страдать.

«Нарочно с кем-нибудь поменяюсь местами. Или буду сидеть рядом и сопеть носом, будто у меня полли. Небось, не понравится!»

Он шёл по улице и сердито напевал смешную партию гувернантки:

«Девушкам вашего кру-уга надо приличия знать... И внезапно нос к носу встретился с давнишним знакомым. Это был милейший капитан медицинской службы Терентий Иванович Полещук. Мухин очень обрадовался встрече, и тут же ему пришла отличная мысль:

— Терентий Иванович, душенька! Угощаю вас нынче оперой! Вот вам билет, идите и наслаждайтесь!

— А если я не хочу? Если я в опере не вижу ничего поучительного, потому что я даже слона не вижу, оркестр проклятый шумом заглушает.

— Голубчик, «Пиковая же дама!»

— А это, по-вашему, смешно?

— Смотря, кто поёт. Иногда смешно, иногда грустно. Но в общем чудесно.

Терентий Иванович был довольно старый и хитрый. Он прищурился и спросил:

— А, кроме «Пиковой», тут ещё какая-нибудь да не замешана?

Пришлось покаяться, и Мухин рассказал ему историю и то, как он задумал проучить девушку в белом. Тогда Терентий Иванович обиделся не на шуту.

— Значит, я, по-вашему, такая образина, что рад со мной сидеть можно только в наказание? Тепер определённю не пойду. Давайте лучше кофеек выпьем.

— Мы после выпьем, честное слово! — возманил Мухин.

— До. А после — само собой, — твёрдо сказал Терентий Иванович.

В четверть восьмого они расстались на углу П. ровки...

Терентий Иванович тщательно проверял места, удобно усеялся в седьмом ряду партера.

Рядом пустовало кресло. И, когда уже померк свет и голова дирижёра выросла на фоне занавеса, рядом начала торопливо пробираться женщина, попутно извиваясь шопотом.

Женщина проверила номер кресла, странно всматриваясь в соседа и села. Терентий Иванович смотрел в свою очередь и фыркнул в душе.

«То ли Мухин совершенно онемел, что ли фыркнул, то ли возле кассы было темно. Какой же тупой изысканий искусств, когда эта дама — масто и к тому же допотопного возраста?»

Первый акт он рассеянно смотрел на сцену

нет-нет взглядывали друг на друга. В антракте Терентий Иванович спросил:

— Вы, гражданка, между прочим, на своём месте? Дама заметно обиделась:

— Я всегда и везде на своём месте. Что же касается вас, то я в этом не уверена.

— Мерси! Можете проверить.

Билеты оказались правильными. Тогда Терентий Иванович решил действовать приминком и сказал:

— Здесь должна была сидеть красивая молодая особа, девушка в белом. Но, я извинюсь, я ничего похожего не вижу.

К удивлению, дама не обиделась, а гордо улыбнулась и согласилась:

— Правильно, красивая. Но я несколько удивлена, товарищ старший лейтенант...

— Мерси вторично! Зачем же меня снижать в звание? — удивился Терентий Иванович. — Я даже затрудняюсь теперь: отдавать вам деньги за билет или воздержаться?

— Не в деньгах счастье! — гордо сказала дама. — Но тут, очевидно, какое-то недоразумение. Значит, это не вы?

Объясниться до конца им помешали музыка и зашумевшие соседи.

В антракте всё объяснилось.

— Вы это или не вы, — достойно сказала пожилая дама, — но я обязана высказаться. Когда вы покупали билет, у вас (или не у вас?) на лице было написано: «Пришёл, увидел, победил!» Моей дочери это не понравилось. Так что вы или не вы — это уж я не знаю — не победил. Имейте в виду. Вот это самое и просила меня передать вам моя дочка. Она послала меня на своё место, чтобы я выразила вам что-нибудь высоко моральное. Вот я и выразила всё.

— Да не может быть! — Терентий Иванович обрадовался так шумно, что на него оглянулись из перед-

них рядов. — Представьте себе, ведь и я сижу тут, как дурачок, с такой же поучительной задачей! А я до страсти не люблю учить людей! Что же касается наших офицеров, то я вам доложу, что они у нас тоже весьма славные во всех отношениях... И никаких таких «пришёл, увидел...» и в мыслях не было. Видите, какое нам удовольствие предоставили: и на сцену глядим и приятное знакомство имеем. Разрешите представиться: Терентий Иванович Полещук, капитан медицинской службы.

— Мария Филипповна! — не без обаяния улыбнулась пожилая дама.

Старший лейтенант Мухин поджидал Терентия Ивановича. На столе стояли целомудренно закупоренная бутылка коньяка и тарелочка с икрой. Он грустно дожидаясь второй бутерброд и напевал: «Прости, небесное создание», — когда в комнату вошёл Терентий Иванович.

— Так поздно кончилось? — деланно равнодушно спросил Мухин. — Деньги отдали?

Терентий Иванович покашлял, пригладил волосы и неспеша подошёл к столу:

— Сейчас, после музыки, коньячку, да с икрой, цел! — он выпил и закурил. Мухин нераничал. — Поздно, ты говоришь? Нет, брат, не поздно. Это я проважиться ходил. А деньги завтра велели отдать. На пирог приглашён, за пирогом и отдам.

Мухин даже растерялся:

— Да вы с ума сошли! Но и девчонки хороши!

— Легче про моих знакомых, — предупредил Терентий Иванович. — Нам с этой «девчонкой» вместе сто десять лет.

— Что же, значит, вам девчонство?

— А нахальничать будете, я вам вообще ничего не скажу! — спокойно сказал Терентий Иванович и начал отшаркиваться к выходу.

— Да вы на «Пиковой даме» были?

— А то где же? Куда посылали, там и был. Гром в первом действии великолепный, а в предпоследнем снег совершенно натуральный. Интересно, из чего они его делают? А в конце на меня ломберный стол произвёл прямо-таки потрясающее впечатление! Чорт-те каких размеров! Воображаю, сколько можно было просадить за таким столом! Видите, обо-всём вам докладываю, значит, был.

— Я вас спрашиваю: он и я была?

Терентий Иванович молчал. Но после третьей рюмки он сжался над Мухиным:

— Чокнемся, друг мой, за гордую молодёжь и за добрых стариков... Что бы вы без них делали, интересно знать! Ваша девушка в белом приехала свою мамашу для нравственного воздействия. Будем здоровать!

Мухин вежливо:

— Это что же получается? Старички музыку слушали, наслаждались, посмеивались, а молодёжь... А молодёжь не слушала, только и всего.

Мухин пробежался по комнате и остановился перед Терентием Ивановичем:

— Послушайте, Терентий Иванович, милейший! Захватите и меня завтра с собой на пирог! Я вам даже свою порцию уступлю! Я же о такой девушке всю жизнь мечтаю! Познакомьте меня, скажите обо мне что-нибудь хорошее, заслуживающее доверия! Ведь я вам как-никак культурное удовольствие доставил, а «Пиковую» сводил!

— Не знаю, — сонно сказал Терентий Иванович. — Не знаю, утро вечера мудренее. А покамест по последней, за «Пиковую даму». Или вы предпочитаете за девушку в белом? Не видал. Ничего не могу сказать.

К ВОПРОСУ О РЕЗОНАНСЕ

Однажды в саратовский театр приехал на гастроли известный артист Андреев-Бурлак.

— Резонанса нет в вашем театре, — сказал он купцу-антрепренёру.

— Помилуйте, господин артист, всё, как следует...

— Я вам повторяю: нет у вас резонанса!

— Да коли он вам нужен, прикажем его достать, чего бы он ни стоил. Разве мы деньги жалеем?!

ЧАРЛИ ЧАПЛИН ПОЁТ

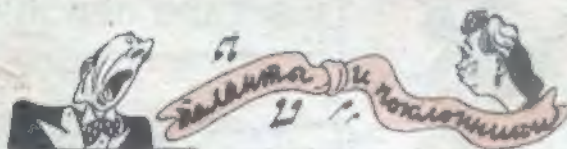
Однажды на вечере по случаю дня своего рождения Чарли Чаплин развлекал гостей, имитируя знакомых мужчин, женщин и детей, своих слуг, помощников, секретарей, шофера. Наконец, он пропел арию из одной итальянской оперы, причём пропел её превосходно.

— Я не знал, что вы умеете так чудесно петь! — заметил один из восхищённых слушателей.

— Я вовсе не умею петь! — запротестовал Чаплин. — Я просто имитировал Карузо.

— Вот странно: весь класс отстаёт по арифметике, а на второй год оставили только учителя.

Серьёзное лицо

КОГДА я учился в Юзовском коммерческом училище, там произошло важное событие: приехал попечитель учебного округа.

Сам директор ходил по классам и выбирал учеников, которые должны были поднести попечителю «хлеб-соль». В нашем классе выбор пал на Васю Кошкина, самого тупого мальчишка во всём училище.

— Болван, но с очень серьёзным лицом, — откомендовал его инспектор.

— Включить в делегацию, — коротко распорядился директор.

И все мы с завистью смотрели, как Вася Кошкин с важной миной подносил деревянное блюдо господину попечителю.

Впоследствии я узнал преимущество серьёзного лица не только в жизни, но и в искусстве и литературе. И все неудобства и огорчения, вызываемые юмористическим складом ума, характера и способностей.

Представьте себе, если бы старый весёлый янки Самюэль Клеменс (Марк Твен) вдруг воскрес, пересек океан и, приехав в Москву, вступил бы в Союз советских писателей.

— По какому разделу хотели бы вы работать? — вежливо спросят его в президиуме. — У нас есть драматургическая секция, кинематографическая подсекция, комиссия детективно-приключенческого жанра, секция сказителей, переводчиков, исторических и биографических романистов, секция научно-фантастических романов...

Тут представитель президиума остановится перевести дух, а Марк Твен второпится ответить:

— Я хотел бы, сэр, работать в секции сатиры и юмора. Так сказать, по прямой специальности.

— К сожалению, такой секции у нас нет, — разведёт руками сэр из президиума, — не возникало творческой необходимости.

— Почему же в детектив у вас возникла творческая необходимость, а в юморе и сатире не возникла? — обидится Твен.

— Потому что союз занят серьёзной лите-

ратурой, а не всякими шуточками и смешками. Правда, есть уважаемые товарищи, которые иногда грешат юмором, но уважение они получают по другой графе. Михалков и Маршак — по детскому сектору, Лебедев-Кумач — по сектору массовой песни.

— В какой же сектор мне податься? — растеряется Самюэль Клеменс, всю жизнь считавший себя только юмористом.

— А вы валийте прямо в секцию авторов «малых форм». Там у нас концентрируются все отходы от большой литературы.

Большой литературой в союзе считают писателей, занятых расщеплением атомного ядра психологии своих героев.

Но и в секции «малых форм» тоже спрос лишь на серьёзные лица. Бедягу Сэма там проработают на третий день. Выяснится, что он пошляк, зубоскал, идёт на поводу и потакает.

— Взять хотя бы рассказец «Часы»! — скажет главный идеолог «малых форм». — Мелкачество! Опять о плохой работе часовых мастеровских. Или эта пошлятина о хулигане, насыпавшем дробь в лагушку. Что это такое? Призыв к издевательству над лагушкой? А рассказ про глухонемого, которого не удалось рассмешить? Безобразное зубоскальство! Глухонемых надо не смешить, а лечить!

Правда, найдётся какой-нибудь сердобольный оратор, который станет призывать не бить юмориста, а исправлять его, так как юмор нужен и лёгкий жанр любит даже в Наркомате тяжёлого машиностроения.

Не легче придётся Марку Твену и в театре. Там тоже нужны только серьёзные лица. Первый же директор, принеший ему договор на пьесу, скажет:

— О кей, мистер Самюэль! Для нашего театра музыкальной комедии срочно нужна монументальная трагедия.

— Трагедия?!

— Да. Такого плана, как «Король Лир» или «Царь Эдип», но с куплетами и благополучным концом. Нес?

— Совсем не нес! Какой там к черту нес! Я хочу писать комедию, а не трагедию!

Директор музыкальной комедии, нуждающийся в монументальной трагедии, схватится за голову:

— Что вы! Если хотите, чтобы в Комитете по делам искусств вас уважали, поощряли и сажали в президиум, не пишите никогда комедий!

— А я не хочу в президиум! Я хочу писать весёлые пьесы. Наверно все худруки мечтают об увлекательной современной комедии!

— Боже упаси! Даже Театр сатиры мечтает лишь о «Женитьбе Белугина». А остальные худруки, если и берут современную комедию, то только для выездных спектаклей молодёжных режиссёров.

И, ласково положив руку на плечо упрямого янки, он добавит:

— Напрасно артачитесь, мистер Клеменс. Вам даже Шкваркин не выдержал, сделал серьёзное лицо и написал драму с убийствами «Последний день». А что вы думаете: ещё две-три драмы, восемь-десять убийств — и его будет читать даже критик Бояджиев.

Вечером любознательный Твен попадёт на спектакль «Обыкновенный человек» и увидит в роли лирической героини Кири чудесную комическую артистку Пугачёву. Как известно, её появление в этом амплу вызвало почти такую же сенсацию, как если бы в роли Дом Карлоса вдруг выступил Ярон.

В антракте на старого Сэма налетит какой-нибудь из темпераментных бойцов бронерезидентской части:

— Пугачёва-то, а? Здорово?

— Вам понравилось? — осторожно осведомится Твен.

— Нет, играет она плохо. Но какова карьера! Это же не какие-то там гротесковые ролишки, а серьёзная роль! И Охлопков — молодец! Выдвигает артистку!

И боец бронерезидентской части опрометью кинется за кулисы поздравлять чудесную комическую актрису с тем, что она становится плохой драматической...

А старина Марк Твен вернётся из театра и начнёт расщеплять атомное ядро психологии одной знакомой дамы, с таким расчётом, чтобы этого расщепления хватило номеров на пятнадцать «Нового мира». И получится ещё один плохой роман, однообразный и томительный, как сибирский тракт осенью.

Евг. БЕРМОНТ

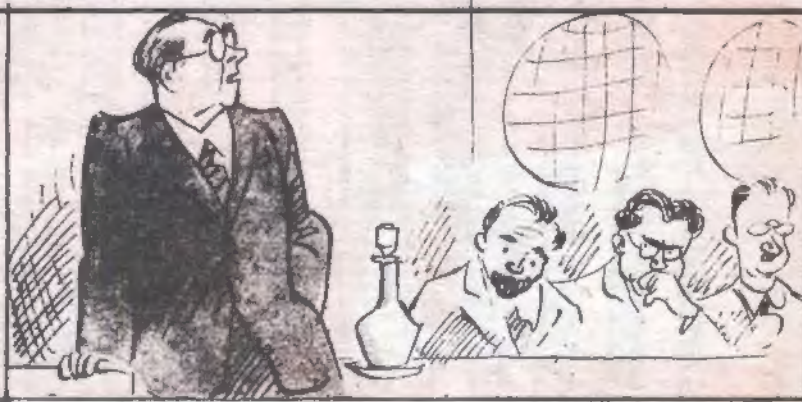
Тов. Златоустенко в столовой сказал официанту:
— Обед никуда не годится!.. Котлеты недожарены, в супе муха.

Докладывая об этом прискорбном случае на столовой комиссии, тов. Златоустенко сказал:
— По линии общественного питания, товарищи, мы имеем на данном отрезке времени недопустимое отставание в вопросе снижения мухолопаемости в суп и высокий процент недожариваемости мясных изделий.

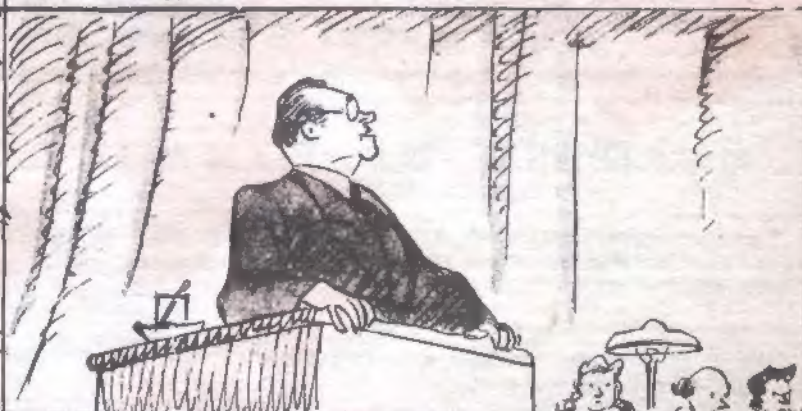
Дома тов. Златоустенко отчитывал своего сынишку Ваню:
— Опять уроки пропускаешь!.. Опять лодыря гоняешь!.. Когда это кончится?

На родительском собрании примерно ту же мысль тов. Златоустенко выразил с трибуны:
— В части повышения успеваемости нужно добиться решительных сдвигов в деле усвоения и коренного перелома в области пропускаемости уроков.

— Вот это спектакль! Животики надорвал! — делился в антракте своими впечатлениями с супругой тов. Златоустенко.

После спектакля состоялось обсуждение пьесы. Конечно, слово взял тов. Златоустенко:

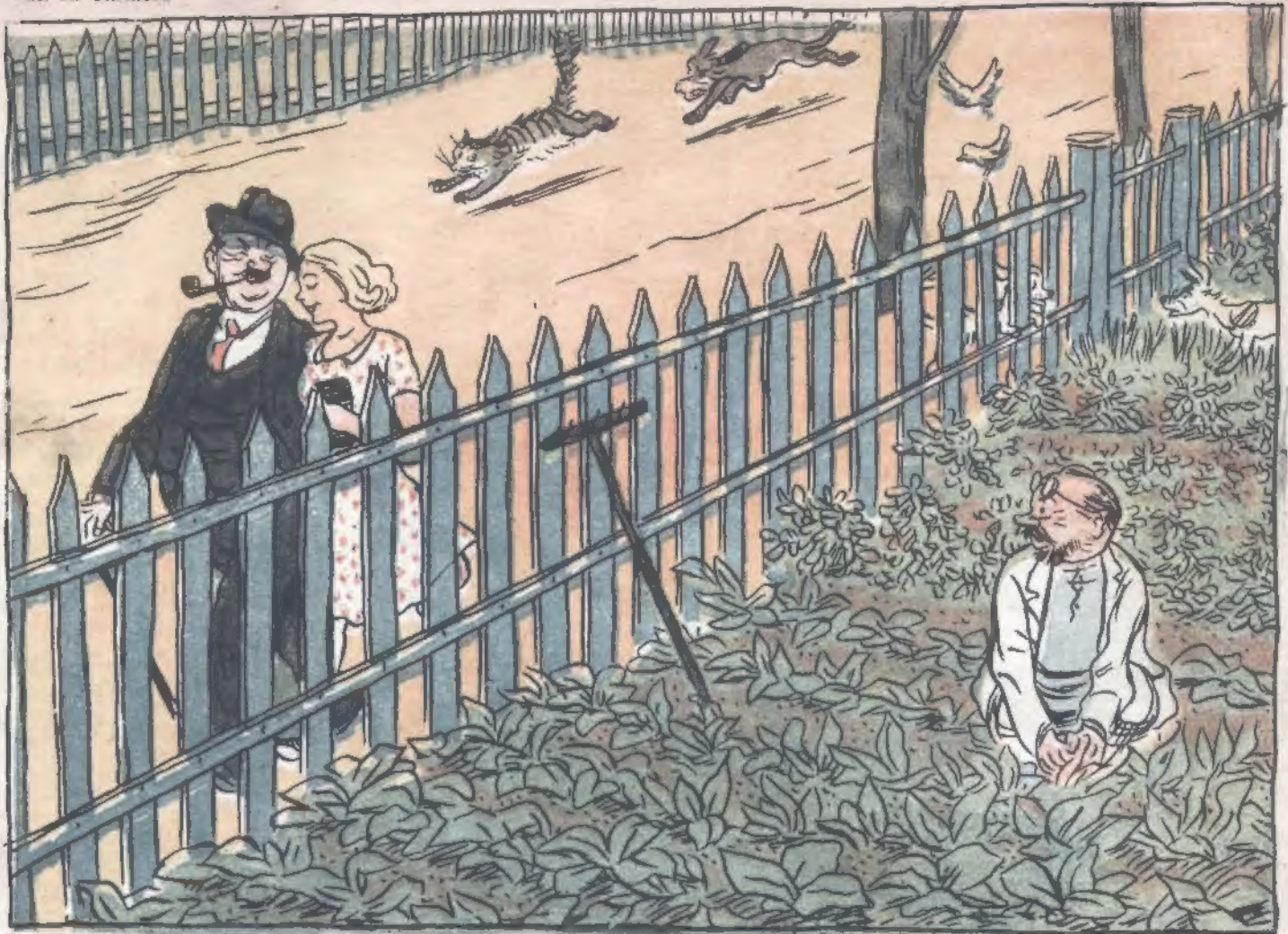
— Товарищи, что мы имеем здесь? Мы имеем здесь не голое смешачество и не бодряческое развличенчество, а насыщенный, глубоко серьезный смех, помогающий нам вскрыть живого человека и отобразить его во всей широте...

На одном собрании был поставлен актуальный вопрос. Говорили о стиле докладов и о чистоте русского языка. Первым в прениях, разумеется, выступил наш старый знакомый тов. Златоустенко:

— Товарищи! Для обеспечения наличия доходчивости наших выступлений необходимо поставить ребром вопрос красочности и понятности в деле привлечения классических примеров, а также в смысле ликвидации засорения путём очищения нашего великого, могучего русского языка.

Рис. Н. Семёнова

— И на огороде то же самое: старый хрен рядом с молодой картошкой.

ОТРЫВКИ ИЗ НЕНАПИСАННОГО

Был самолюбив. Давая свой адрес, говорил:
— Памятник Пушкину стоит как раз против
дома, где живу я.

Ничего своего у него не было: даже от стра-
ха кричал не своим голосом.

Сердце — не камень для зажигалок.

Подражает Руссо. Хочет быть ближе к при-
роде, но не дальше Переделкина.

Нашла коса на парикмахера.

Узкий специалист. Даже сны видал только
по своей специальности.

Родился в сорочке и ни разу с тех пор не
менял её.

У электрической лампочки жизнь всегда на
волоске висит.

Природа её не интересовала. Цветы она
знала по шляпкам, зверей — по горжеткам.

Лысина — те же кудри, но в конечной фазе
их развития.

Пил с горя, что врач запретил ему пить.

О поэте Н.
— Владеет стихом и дачей.

«Проклятые вопросы» мучили его раз в не-
делю, когда приходил журнал с кроссвордом.

У него царственный вид: весь рот в корон-
ках!

Из хроник происшествий:
«У драматурга Б. похищены не только руко-
писи, но и ценные вещи».

Начитанный человек.
— Как? Вы не читали твендовской «Хижны
дяди Тома Сойера»?!

М. ЯКОВЛЕВ.

ИНОСТРАННЫЙ ЮМОР

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО

— Я не спала всю ночь, пытаясь придумать,
как бы доказать ему, что он для меня ровно
ничего не значит.

ПРЫГУН

Молодой человек бажал со всех ног, чтобы
поспать на паром, который должен был вот-
вот отойти. Он подбежал к пристани, когда па-
ром оторвался от берега. Молодой человек
сразу же перепрыгнул через узкую полосу
воды и растянулся на палубе парома. Минут
через пять, отдышавшись и встав на ноги, он
окинул взглядом широкую водную гладь, от-
деляющую паром от берега. Его зрачки рас-
ширились, и он изумлённо воскликнул:

— Вот это прыжок!!

СРЕДИ ДЖЕНТЛЬМЕНОВ

— Моя жена выглядит отаратительно!
— Сэр! Прошу вас выбирать выражения! Вы
говорите о женщине, которую я люблю!

ПОНЯЛИ ДРУГ ДРУГА

Один любознательный турист-историк, про-
езжая через маленькую деревушку в горах
Колорадо, спросил встретившегося местного
жителя:

— Скажите, не рождались ли когда-нибудь
в вашей деревне большие люди?

— Нет, — ответил горец, — только младенцы.

ОТВЕТ ПО СУЩЕСТВУ

Прохожий: — Ск-к-к-ажите, г-г-где
зд-д-д-есь шк-к-кола зам-и-ик?

Полисиен: — А зачем вам школа? Вы и
так хорошо заикаетесь.

— Сколько с меня за два спакана ситро?
— Двадцать рублей...

— Дайте ещё стакан... Мне дурно!

Нехорошо ведут себя школьники Еревана. Совсем не слушаются взрослых. Вот недавно (7 июня) уважаемая газета «Военное обучение» в корреспонденции «В горах Армении» отправила ереванских школьников в летние лагеря. И что ж вы думаете? Вместо того чтобы расположиться в пригородах Еревана — Арбакир и Ворк, — как пишет газета, непочтительные ребята изволили раскинуться лагерем вовсе в другом месте — в Арабкире и Норке. Причём имеют смелость утверждать, что поступили правильно. Потому что пригороды Еревана, по их словам, испокон веков называются Арабкир и Норк, а не Арбакир и Ворк, как сообщает «Военное обучение».

Ну, что за дети пошли! Прямо ужас!

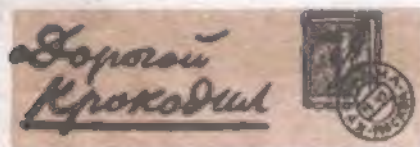
ДЕЛО БЫЛО ПОД ПОЛТАВОЙ

Дело-то было под Полтавой, но вот из-за этого дела сейчас в Тюмени возникло новое дело — о неграмотных работниках газеты «Тюменская правда».

Означенная газета посвятила пространную статью Тобольскому музею.

«В этом году, — пишет газета, — Тобольскому государственному музею исполнилось 75 лет. Дом, в котором сейчас находится музей, был построен в 70-х годах прошлого столетия пленными шведами, присланными в Тобольск Петром I из-под Полтавы».

Как известно школьникам из учебников истории, Полтавское сражение со шведами произошло в 1709 году. Следовательно, как легко могут установить те же школьники, пленным шведам, присланным в Тобольск Петром I, при строительстве дома, в котором находится музей, было по меньшей мере лет по 180. Возраст, что говорить, солидный! А вот какого возраста сотрудницы «Тюменской правды», которые проявили столь слабые познания в истории и в арифметике? Неужели так и пребывают в младенческом состоянии?

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Дорогой Крокодил!

Управление ростовского трамвая решило бороться с висунами и рассудило так: за что цепляются трамвайные висуны? За ручки! Значит, корень зла — в ручках. Значит, ежели искоренить ручки, не за что будет цепляться и, значит, не будет вовсе никаких висунов. Как эта простая и гениальная мысль никому не приходила в голову раньше?

Сказано — сделано! Отныне в Ростове трамваи курсируют без ручек. Висуны в Ростове ликвидированы как явление. Но одна мелочь: попасть в вагон, лишённый ручек, не так-то просто. Без некоторых навыков в области эквилибристики этого не сделать. Ну, что ж, это пустяки! Придётся открыт при управлении трамвая школу циркового искусства. За этим дело не станет!

В. МИХАЛЕВИЧ

Ростов на Дону.

Товарищ Крокодил!

Газета «Омская правда» в передовой статье «За благоустроенные города и сёла» (№ 103 за 27 мая сего года) обвинила наш районный центр Черлак в том, что он «потерял былую красоту». Вот тебе и раз! А мы-то думали, что, расставив за время войны хороший общественный сад, построив баню и каменный дом, на оборот, благоустроили Черлак!

Выходит, ошиблись. Понастроить понастроили, но совсем упустили из виду, что и новый сад, и новая баня, и новый каменный дом заслонили собой былую красоту, по которой так тоскует уважаемая редакция.

Б. СОЛОМОНОВ,
ответственный секретарь
районной газеты «Большевик»

Село Черлак,
Омской области.

Дорогой Крокодил!

Между ивановскими пушкинистами возникли большие разногласия по поводу знаменитых строк поэта: «На берегу пустынных волн стоял он, дум великих полн...» Одни утверждают, что Пушкин имел в виду заведующего Ивановским горкомхозом тов. Макарина.

«Посмотрите на тов. Макарина, — с пеной у рта убеждают они своих оппонентов, — когда он стоит на Ленинградской улице и величественно взирает на огромную лужу, раскинувшуюся во всю ширину мостовой, и вам станет ясно, что только про Макарина это могло быть сказано».

«Ничего подобного! — едко возражает другая группа. — Вчитайтесь повнимательней в текст. Там ясно сказано: «...дум великих полн». А если бы Макарина действительно полом был дум, то ни о какой луже не было бы речи!»

Спор на том же месте. Лужа — тоже.

Юр. АНЧАРОВ

г. Иваново.

Уважаемый Крокодил!

В связи с перенумерацией в Кургане жилых строений нашему дому по Советской улице присвоен новый номер, 27, ранее принадлежавший городской тюрьме. Однако письменным эта реформа не понравилась. Поэтому всю

корреспонденцию, адресованную жильцам нашего дома, они доставляют в тюрьму. Тем самым положен конец нашей переписке с родными и знакомыми.

Выйти из создавшегося положения можно двояко.

Первый выход заключается в том, чтобы почтовики аккуратно выполняли свои обязанности. К сожалению, это им не по вкусу.

Второй выход в том, чтобы жильцы поселились в тюрьме. По понятным причинам такая перспектива их не устраивает.

Какой же выход из этих двух выходов?

Инженер Е. ФЕДЯНИН

Курган.

ЗНАТОК

Рис. С. Герштейна

— Вечная путаница с этими каталогами: здесь сказано масло, а на картинке изображены фрукты.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: Д. ЗАСЛАВСКИЙ, В. КАТАЕВ, КУКРЫНИКОВ (И. КУПРИНОВ, П. КРЫЛОВ, Я. СОКОЛОВ), Г. РЫКЛИН (отв. редактор). Рукописи не возвращаются.

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. «Правды», 24; тел. Д 3-32-80, Д 3-33-47. Прием почты: с 1 до 5 часов. Подписная цена на журнал — 3 р. 20 к. в месяц.

Изд-во ЦК ВКП(б) «Правда».

Москва.

Изд. № 571.

Подп. к печати 21/VIII 1945 г. Статформат 72×105 см. Печ. л. 115.

Кол. экз. в 1 печ. л. 78 000.

А 21653.

Типография газеты «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Правды», 24.

Заказ № 1716. Тираж 100.000 экз.

К чему скрывать! За шесть военных лет
(Не до красот мне было в эти годы)
Я запустил свой штатский туалет
И вообще — отстал от мирной моды.

Я возмужал. Лицо моё — в пыли,
В дыму боёв. Шесть лет — сплошные битвы!
Я тороплюсь стереть с лица земли
Агрессоров — и действую в три бритвы.

Сталь не дрожит в уверенной руке.
Ещё момент! Намылить Франко шею,
Японский прыщ (висит на волоске)
Убрать с лица — и я похорошею.